

Карелы¹

I

Название и самоназвание. Самоназвание северных карел — карьялайне, южных карел — ливгиляйне, ливвикеи, люввикеи, лювди-кеи. Финны-суоми называют карел Karjalaine; по-шведски — Karelare, древнее — Kurgala. Старинное русское название: кореляки.

Этническая и языковая принадлежность. Карельский язык принадлежит к финно-угорской группе языков и близок к языку финнов-суоми. Тысячелетняя связь карел с русскими значительно приблизила карельский язык к русскому, что особенно заметно в карельской терминологии и лексике.

Антропологическая характеристика. В антропологическом отношении карелы характеризуются в общем средним ростом (165—167 см), светлой окраской волос и глаз, узким невысоким лицом, большим количеством вогнутых спинок носа (40—55%). В направлении с севера на юг в Карелии понижается средний рост, увеличивается доля белокурых волос и голубых глаз, повышается головной указатель (с 79.3 до 82.0) и процент вогнутых спинок носа. Все это указывает, что в состав карел вошли два основных европеоидных типа: 1) относительно высокорослый, мезокефальный и длиннолицый с малым количеством светлых волос и глаз, а также вогнутых спинок носа и 2) более низкорослый, брахицефальный и низколиций с сильно выраженной депигментацией и большим процентом вогнутых спинок носа. Первый тип, ярче выступающий в северных районах, представляет собой вариант северноевропейской расы; он, несомненно, одинаков с беломорским элементом русских Карелии и Архангельской обл. Второй тип, сосредоточенный преимущественно на юге Карело-Финской ССР, является восточнобалтийским.

Кроме балтийских и беломорских компонентов в состав карел входят в небольшом количестве переходные лапоноидные типы — низкорослые, темные и брахицефальные. Наибольшая их концентрация наблюдается кое-где на севере Карелии, напр. в районе Тихозера и Вокнаволока, где умеренная короткоголовость (головной указатель 81.8) сочетается с низким лицом, относительно темными глазами и относительно большим количеством вогнутых спинок носа (40%).

Карелы Калининской обл. по росту и пигментации близки к своим соплеменникам из северных районов Карелии, по головному указателю (81.6) они,

¹ Эта статья А. М. Линевского написана для сборника Института этнографии Академии Наук СССР «Народы СССР» по специальной программе этого сборника (см. «Сов. этн.», II, 1939). Антропологическая характеристика карел написана Н. Н. Чебоксаровым; раздел об орнаменте — Л. А. Динцесом; раздел «Язык и письменность» заимствован из рукописи проф. Д. В. Бубриха. (Ред.).

напротив, более напоминают группы южной Карелии. Характерно для них также значительно меньшее, чем на севере, количество вогнутых спинок носа (только 20%). Все это наводит на мысль, что среди калининских карел преобладает умеренно светлый брахицефальный валдайский тип.

Интересно отметить, что антропологически карелы очень близки к своим русским соседям. Северные карелы по многим признакам больше напоминают кемских или архангельских поморов, чем представителей своего народа из южных районов. Южные карелы, в свою очередь, сближаются с русскими Ленинградской и Вологодской областей, среди которых преобладает восточнобалтийский компонент. Наконец, карелы Калининской обл. антропологически относятся к тому же валдайскому типу, что и русские Калининской обл.

Несомненно, что формирование карельского народа происходило среди населения, с глубокой древности смешанного в антропологическом отношении. В серии черепов из неолитического могильника на южном Оленьем острове (Онежское озеро), раскопанного В. И. Равдоникасом, уже встречаются, на ряду с преобладающими европеоидами «кроманьонского» облика, объекты, несущие монголоидные черты: уплощенность лица, слабое выступание носовых костей и др. (Жиров). Позднее в финских курганах X—XII вв. часто попадаются черепа с переходными «лапоноидными» особенностями: плоскатым низким лицом, слабо выступающим вогнутым носом, предносовой ямкой и т. д. (Чебоксаров). Все эти расовые типы, конечно, вошли в состав предков современных карел, распространившихся в начале второго тысячелетия н. э. значительно южнее границ бывшей Карельской АССР.

Географическая среда. Карело-Финская ССР расположена вдоль западного побережья Белого моря, на юге включает в себя Ладожское озеро и весь, кроме юга, бассейн озера Онежского. На западе достигает берегов Финского залива. Рельеф страны отличается скалистостью, повсюду заметны следы ледников, насчитывается, примерно, до 20 тысяч озер, в которые впадают ручьи и речки, часто соединяющие собою ряд озер. Много болот. Карелию называют «страною озер и скал».

Полезные ископаемые Карелии очень велики и многочисленны: 1) нерудные ископаемые — граниты, диабазы, мраморы, примерно, сорока разнообразных расцветок, известняки, кварциты, песчаники, эффузивные диабазы и брекчи, моренные и ленточные глины. 2) Керамическое сырье — полевой шпат, кварц, пегматит. 3) Минеральные, диэлектрические минералы — горшечный камень, слюда. 4) Абразионные материалы — брусковый, точильный, стеклообразный и жерновой камень. 5) Белые кварциты, шунгит, тонкоплитняковые сланцы, песчаники, железная охра, барит и т. д. Кроме того, известны железнорудные месторождения — магматические, жильные и, примерно, в 100 озерах — озерная руда, ряд месторождений меди и т. д.

Обилие воды делает климат Карелии сравнительно мягким, но близость Ледовитого океана регулярно вызывает заморозки в июле — августе. Поэтому примитивное земледелие дореволюционного времени не поднималось выше устья р. Кемь. Благодаря высокому развитию советской агрономии, земледелие в настоящее время возможно в любой точке Карело-Финской республики.

Преобладающие почвы — суглинистая супесь, дерновые и подзолистые суглинки. Олонецкий и соседние районы на юге — в основе земледельческие, северные районы (Лоухский, Калевала и др.), благодаря осушке и обработке болот в советское время, создают теперь культурное животноводство.

Обилие и высокое качество карельских лесов общеизвестно. Бассейны Белого моря, Ладожского и Онежского озер обеспечивают население с древних времен рыбой (свыше 80 пород). На Белом море и Ладожском озере прежде были обильные промыслы за млекопитающими: на Ладожском озере — за тюленями,

на Белом море — кроме многочисленных разновидностей тюленей, били моржей, белух и встарину — китов.

В хвойных лесах (сосна, ель с примесью березы и осины) до последнего времени было немало охотничьей фауны. Еще в 1906 г. писатель М. М. Пришвин довольно метко охарактеризовал Карелию, как «страну непуганных птиц». Карелия лежит на пути перелета птиц в Арктику. Это до сих пор создает благоприятные условия для регулярной охоты весной и осенью; распространена также охота на белку, лисиц, рысей, медведей.

В настоящее время Карелия превращена в промышленную страну с механизированными лесоразработками, которые составляют основу ее экономики; развиваются усовершенствованные приемы рыболовства. Увеличивается сеть электростанций. Это позволяет промышленным комбинатам тут же на месте перерабатывать добываемое сырье в промышленные изделия.

Р а с с е л е н и е и а д м и н и с т р а т и в н о е у с т р о й с т в о. Декретом ВЦИК от 7 июня 1920 г. части бывших Олонецкой и Архангельской губерний были объявлены «Карельской Трудовой Коммунной». Через три года Коммуна декретом от 25 июля 1923 г. была преобразована в Автономную Карельскую республику. Территория этой Карельской республики занимала около 147 тыс. кв. км, т. е. по своим размерам в 5 раз больше территории Бельгии. Население республики в основном состояло из карел и русских, численное их соотношение было равно 2 : 3. Главный город Карело-Финской республики — Петрозаводск. В прочих городах (Медвежья Гора, Беломорск, Кемь) преобладает русское население. Кировская железнодорожная магистраль, идущая по меридиану, довольно точно отделяет территорию, занятую карелами, от территории, занятой русскими.

31 марта 1940 г. Верховный Совет СССР принял закон о преобразовании Карельской АССР в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. В новую союзную республику, согласно с пожеланиями трудящихся Карелии, включена также большая часть территории, отошедшей к СССР на основании мирного договора с Финляндией 12 марта 1940 г., в частности города: Выборг, Антреа, Кексгольм, Сортавала, Суоярви и Куолаярви. В этих новых районах живут не только карелы, но и кровно родственные им финны. Площадь Карело-Финской республики более 196 000 кв. км.

П о д р а з д е л е н и я и о б о с о б л е н н ы е ч а с т и. В Финляндии именем «карел» прежде называлось все население, живущее на территории древней Карелии, т. е. в бывших губерниях царской России — Выборгской, Куопиоской, в частях Санкт-Михельской и Улеаборгской. В узком смысле «карелами Финляндии» называли тех карел, которые сохранили православие. Эти карелы живут в районе территории Выборг — Кексгольм — Сортавала (Сердоболь), т. е. граница их расселения, примерно, совпадает с государственными границами России по Абоскому договору 1743 г. Православных карел в Финляндии было около 50 тыс. человек.

Ч и с л е н н о с т ь. По переписи 1926 г. карел в СССР было 248 тыс. чел., в том числе в Карельской АССР — 100 тыс. чел., вне республики — в Калининской обл. — 140 тыс. чел., в Ленинградской обл. — 2 тыс. чел. и в районе Череповца — 2 тыс. чел. В 1849 г., по подсчетам акад. Кеппена, карел в России было 171 тыс. чел., т. е. количество их за 75 лет почти удвоилось. Многие карелы, с переходом на русский язык, стали считать себя русскими. По переписи 1939 г. в СССР проживает 252 559 карел.

«Преобразование Карельской Автономной Республики в Союзную Карело-Финскую Республику будет способствовать дальнейшему хозяйственному и культурному развитию этих двух родственных народов и укреплению их братского содружества. Оно положит конец культивировавшейся на протяжении многих

лет врагами финского и карельского народов вражде и розни между обоими народами». ¹

Историческая справка. Многие финляндские ученые считают карел теми биармийцами, о которых говорят скандинавские сказания. Усиленное распространение этих очень сомнительных предположений в Финляндии имело, вероятнее всего, тенденцию политического характера — показать величину «пан-Финляндии».

Справедливее считать древней территорией карел те места, где они живут и поныне, т. е. весь бассейн Ладожского озера и два примыкающих к нему перешейка; иначе говоря — территорию от Финского залива до западного побережья Онежского озера.

Курганы IX—XIII вв. дают обширный материал о культуре карел того времени. Могильный инвентарь указывает не только на экономическое, но, судя по характеру вещей, также и на значительное социальное расслоение. Частые упоминания в русских летописях о карелах, как союзниках Новгорода, подтверждают вывод, что социальная структура карел не слишком отставала от русских соседей. Карелы принимали участие в походах новгородцев не только на внешних, но и на внутренних врагов древнего Новгорода, напр. на некоторых русских князей.

В XII—XV вв., т. е. в эпоху господства Великого Новгорода, положение карел не отличалось от их соседей. Характерно для этого периода стремление шведов, после захвата нынешней Финляндии, подчинить также и Карелию. Однако карелы не покорились шведской короне, и за исключением только одного случая всегда были на стороне русских.

Показательна, напр., борьба в конце XII в. В 1164 г. 55 судов шведов были разбиты у Ладоги. В 1186 г. новгородцы под руководством Вышаты разорjali в Финляндии тавастов. В следующем, 1187, году карелы сожгли столицу норманов Сигтуну, через 4 года князь Мстислав разорил центральную Финляндию, населенную ямью, а в 1198 г. он же разгромил шведов и их столицу в Финляндии Або сжег.

Новый цикл борьбы между Новгородом и Швецией падает на 20-е годы следующего, XIII, столетия. Католическая церковь усилила натиск на племена Финляндии. Вероятно, это обстоятельство вызвало подобное же наступление православия на карел: в 1227 г. была крещена часть южных карел, после чего был совершен поход на тавастов. В следующем году католики разорjali православных карел до Ладожского озера, но на обратном пути почти целиком были истреблены ижорами и карелами.

Борьба продолжалась и в 1236 г., когда регент Швеции Биргер предпринял крестовый поход с целью распространения католичества на Руси. 15 июня 1240 г. князь Александр Ярославович разбил на р. Неве Биргера и получил прозвание «Невского». В следующем году Александр Невский разгромил врага в его новой крепости Копорье. Через 8 лет Биргер высадился в Финляндии, покорил тавастов и основал город Тавастгуст (по древнему названию Эменлинн или Тавастборг). Тавасты сделали католиками. С этого времени Финляндия стала фактически провинцией Швеции.

Конец XIII в. был периодом почти непрерывавшихся войн новгородцев и шведов за распространение своего влияния. Каждый раз походы шведов оканчивались их разгромом. Когда начался период нашествия татарских орд на Русь и Россия была очень ослаблена, — все же новгородцы в 1292 г. походом на ямь продолжали отражать вторжения врагов через южную Финляндию. Правитель

¹ А. А. Жданов. Доклад на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей 21 марта 1940 г.

Швеции Кнутсон в следующем году основал крепость Выборг на крайнем западе территории карел. Попытка новгородцев разгромить Выборг окончилась неудачей, и выборгский гарнизон захватил почти всю Карелию; через два года, в 1295 г., новгородцы вместе с карелами отбросили шведских завоевателей к Выборгу. Создание крепости Ландскроны (на ее месте в XVIII в. в Петербурге была построена Александро-Невская лавра) в 1301 г. окончилось разгромом шведов, и крепость была скрыта. Течение Невы было опять в руках Новгорода.

Через несколько лет, в 1310 г., новгородцы вместо древнего города Корелы создали крепость, ныне называемую Кексгольм, и в том же году разгромили шведов на юге Финляндии. Через 3 и 7 лет шведы ответили двумя походами. Летопись отмечает гибель в Кексгольме множества онежских купцов. При этом в 1317 г. карелы были на стороне шведов. Этот единственный в истории случай измены объясняется злоупотреблениями новгородского князя Бориса. Новгородцы признали виновными не карел, а князя, и потребовали его изгнания. Карелы вновь перешли на сторону русских, и в 1318 г. новгородцы с помощью карел разгромили и сожгли столицу Финляндии Або. Через 5 лет шведы безуспешно нападали на Кексгольм; это вызвало попытку новгородцев взять Выборг, окончившуюся для русских такой же неудачей. В том же 1323 г. новгородцами была основана крепость Орешек или Ореховец (по-шведски Нотебург; впоследствии Петр I назвал ее Шлиссельбургом, т. е. Ключ-городом). Крепость эта защищала вход в Ладожское озеро.

В том же году в Ореховце был заключен мир. Любопытно, что арбитрами были два купца с острова Готланда. Они решали споры делегаций, причем русскую делегацию возглавлял сам князь Юрий Данилович, а шведскую — один из виднейших вельмож, королевский советник Эррик Турресон. Впервые были официально определены границы между Россией и Финляндией; шведам была отдана западная часть территории, заселенной карелами.

Было бы долго перечислять все дальнейшие военные походы то одной, то другой стороны. Кровавая борьба продолжалась, показателем чего служат перемирия следующих годов: 1326, 1351, 1482, 1493, 1497, 1504, 1557, 1575, 1583, 1590 и мирные договоры 1595 (Тявзинский мир), 1609 (Выборгский договор), 1617 (Столбовский мир), 1661 (Кардисский договор) и, наконец, 1721 г. — Ништадтский мир, заключенный Петром I.

Борьба русских и шведов происходила не столько за влияние на те или иные племена, живущие в районе Финского залива, сколько за торговые пути Европы с Востоком. Крепости Ладога, Орешек (Шлиссельбург), Ландскрона (позднее Санкт-Петербург) и Кронштадт расположены на водном пути — Ладожское озеро, река Нева и Финский залив. Кто ими владел, тот был хозяином торговой артерии, соединяющей Восток с Западной Европой.

Крепости Корела (Кексгольм) и Выборг были необходимы для поддержания господства в данном районе. В борьбе двух мощных феодальных государств карелы почти всегда были на стороне Новгорода, а затем — Москвы и бились с врагами России в союзе с русскими.

В периоды Московского царства и Российской империи внешняя история карел является в сущности частью русской истории, поскольку решающие события обычно происходили в центре русского государства. Карелы во всех внешних конфликтах неизменно поддерживали Россию; карельский народ выказывал при этом подлинный героизм, но российские делегаты на мирных конференциях, своим неумением, а иногда и прямой изменой государственным интересам, часто сводили на-нет успехи русского народа и его союзников — карел. Только этим и можно объяснить, что часть карел на западе оставалась под властью шведов.

Показателем того, как относились карелы к шведам и к русским, является факт, когда в трудные годы начала XVII в. значительная часть карельской народности предпочла переселиться в глубь России, в так наз. «тверские земли», чтобы только не подпасть под власть шведов.

Основные занятия я. Бассейн Белого и Балтийского морей, громадные озера — Ладожское и Онежское, густая цепь рек, речек и тысяч озер — все это способствовало раннему и прочному заселению древней Карелии. Наиболее ранние, явно неолитические стоянки датируются третьим тысячелетием до н. э. Находки за последние годы «арктического палеолита», несомненно, принадлежат к более позднему периоду и хронологически не совпадают со стадией западноевропейского палеолита.

Ассортимент орудий, находимых на стоянках, и замечательные рисунки на скалах (петроглифы) выявляют широко развитый в то время охотничий промысел на суше, на реках и на море. Чтобы показать разнообразие приемов охоты, перечислим лишь те виды охоты на лося и оленя, которые изображены петроглифами: 1) применение особой западни, охватывающей ноги животного; 2) метание камней; 3) метание дротика и копья; 4) применение стрел (следовательно, стрельба из лука); 5) загон в реку, где животных кололи вилами (двузубцами); 6) гоньба по насту; 7) ловля капканами, т. е. механическими ловушками. Кроме этих приемов, представленных на древних изображениях, повидимому, применялись еще ямы, а также загон стада в огороженные изгородью места. Допустимо также предположение об оленеводстве, вероятно, так наз. лопарского типа — с отпуском животных на лето в лес и со сгоном их осенью. При этом применялось заманивание в период течки важеньками (самками) диких самцов, которых охотники затем убивали.

Изучение орудий труда неизбежно приводит нас к выводу о расцвете неолитической культуры в древней Карелии во второй половине второго тысячелетия до н. э. Культурный слой стоянок первого тысячелетия до н. э. значительно слабее, а следующее тысячелетие не сохранило никаких следов поселений. Только в VIII—IX вв. н. э. вновь появляются многочисленные остатки древнего человека в виде могильников-насыпей (курганов).

Юго-восточный бассейн Ладожского озера, по определению археологов-исследователей, имеет свыше 1100 курганов; из них раскопано, примерно, 400. Находки обычно датируются X—XII вв., наиболее ранние — VIII столетием. Инвентарь курганов вместе с находками городища на Старой Ладоге подразделяют на четыре группы: 1) изделия домашнего производства; это изделия из дерева и лыка, домотканина из льна и шерсти, глиняная утварь; 2) изделия местного ремесла, большей частью железные предметы — стрелы, копья, топоры, ножи и, возможно, некоторые бронзовые изделия; 3) предметы ввоза с Востока — из серебра и бронзы: браслеты, шумящие подвески, а также стеклянные бусы; 4) предметы ввоза из Скандинавии — боевое оружие, бронзовые фигуры и браслеты; отдельные предметы из Прибалтики.

Монеты как западноевропейские, так и арабские, аббасидские и саманидские указывают на то, что вдоль бассейна Ладожского озера в те века проходил торговый путь, и местное население было втянуто в торговые обороты. Курганы исчезают в конце XIII в., лишь немногие восходят к XIV в. Они заменяются христианского типа кладбищами. В это время изменились торговые взаимоотношения, и основной торговый путь между Востоком и Западом стал проходить по водной магистрали Киев — Новгород, появилась мощная система Ганзы. Громадная территория: Ладога, Онега, Северная Двина, Печора, Урал превратились в колонии Новгорода, откуда он получал, главным образом, меха, а с Урала еще и так наз. закамское серебро.

Оседлость, чем карелы, главным образом, отличались от своих соседей саамов (лопарей), обеспечивала занятие земледелием. На выбранном участке леса выжигались деревья, мотыгой или сохой разрыхлялась почва, зола перемешивалась с размельченными кусками дерна и затем производился засев ржи или репы; площади посевов назывались «нивами». Эта повсеместно распространенная на всем севере Европы «подсечная система» потом стала чередоваться с обычным трехпольем.

Писцовые книги XVI в. Обонежской пятины, в которую входила часть карел, указывают на крайне мелкие поселения, нередко в одно-два хозяйства; количество посева и покоса выявляет очень маломощное земледелие и скотоводство. Показателен тот факт, что старинные поселения карел обычно находятся на самом берегу озера или реки, в то время как новые селения, как правило, возникают на высоких местах, где заморозки не так опасны для посевов хлеба. Очевидно, встарину рыбный промысел имел здесь больше значения, чем земледелие.

Известную роль в хозяйстве играло животноводство, что доказывается перечислением объектов натурального оброка в актах XVI в. при переходе на денежные расчеты. Денежные взносы заменялись представлением в натуре коров, боровов, свинины, тетеревов, зайцев, гусей, сметаны, молока, масла, сыров — сметанного, кислого, мягкого, сухого, а также яиц. Таким образом мы видим, что в оброке учитывались также объекты животноводства и охоты.

Не вызывает никакого сомнения существование металлургии. Районы Заонежья и средней Карелии весьма богаты болотной железной рудой, из которой, как известно, ковали высоко ценимые на Руси в XV—XVIII вв. топоры и ножи. Обилие местной руды явилось причиной возникновения в последней четверти XVII в. железных и медеплавильных заводов, построенных иностранными предпринимателями, а в начале XVIII в. почти повсеместно перешедших в собственность казны.

С основанием Петербурга усилилась торговля, в столицу начали ввозить с Белого моря не малое количество товаров, главным образом разных мороженных продуктов. Появился новый промысел — извоз и бурлачество, успешно существовавший до появления пароходов и железных дорог.

В середине XIX в. повсеместно в Карелии начались лесоразработки, и в устьях крупных рек — Кеми, Выга, Суны, Шуи, Олонки и других — появились лесозаводы. Население многих волостей стало круглый год заниматься лесозаготовками, лесосплавом и периодической работой на лесозаводах.

В волостях, близких к финляндской границе, в XIX в. было широко развито корабейничество. Торговцы раздавали товары малоимущим карелам, которые разносили их далеко по Финляндии. Этот последний промысел способствовал более тесному сближению двух братских народов.

Средства сообщения и связи. Наиболее древние средства сообщения: в теплое время на лодках, в холодное — на лыжах. Дорог не было. Этим можно объяснить то обстоятельство, что редко можно встретить старинное карельское селение не на берегу реки или озера, где вытекает или втекает река (селения карел Калининской обл. возникли не раньше XVII в. и поэтому в это обобщение не входят).

Лошадей, которых, судя по курганным данным, карелы знали еще в прошлом тысячелетии, помимо верховой езды, население применяло для перевозок клады на волокушах. Это — две оглобли, прикрепляемые к хомуту, ниже соединенные между собой перекладной, на которую клали груз; другими концами волокуша волочится по земле.

В Заонежье кое-где уцелели служащие для вывозки навоза одноколки, в которых колеса сделаны из обрубка цельного ствола. Колесных экипажей в Карелии не было очень долго. Это доказывается также и обычаем перевозить

на дровнях покойников летом на кладбище — пережиток, указывающий, что сани появились в Карелии, как и вообще на Руси, в несравненно более раннее время, чем телеги. В литературе XIX в. встречаются воспоминания о том, как чиновников, за отсутствием телег и экипажей, доставляли иной раз на своеобразных носилках, прикрепленных к двум верховым лошадям.

С е л е н и е и ж и л и щ е. Наиболее древний тип поселения — избы с хозяйственными постройками, расположены не вдоль улицы, а без всякого плана, кому где вздумалось их выстроить. В таком селении вместо улицы была только сеть тропинок.

Жилищ два типа: один состоит из ряда примыкающих друг к другу построек. Впереди и выше всех изба, за ней сарай, далее — хлев. В профиле эти постройки образуют плоскости в убывающем по высоте порядке. Другой тип — это обычное севернорусское строение, где под одной большой двускатной крышей сосредоточены двор и все необходимые постройки. На переднем плане — изба, обычно в два этажа: летом живут вверху, зимой — внизу; верхняя изба отделяется сенями от сарая, клетки и кладовых. Внизу рядом с жильем хлев, конюшня и т. д.

Избы по-черному, без дымоходов, почти исчезли, встречаясь лишь единицами. Но эти курные избы сохранялись под видом охотничьих или луговых избышек. В сказках упоминаются избы о трех углах — возможно, что это уподобление охотничьему заслону в лесу, состоящему из наставленного с трех сторон ельника, перед которым горит костер.

Классовое расслоение отражалось в постройках. В бедняцком жилище печь в углу избы занимала иной раз до $\frac{1}{4}$ всей площади, в другом углу — низенький стол; к стенам с двух сторон прикреплены неподвижные лавки, под которыми складывались хомуты, сапоги и прочие ценные вещи. По фасаду было три окна, из них среднее немного повыше, а два боковых не более полуметра высотой. Спали зимой на печи, летом — на полу. В середняцких хозяйствах была обязательно кровать, обычно от входа направо. На ней спали хозяева, а дети, даже взрослые, спали зимой на полу, летом — в сенях или на сеновале. Кулацкая часть карел, как правило, подражала городскому населению. Внешнее экономическое благосостояние обнаруживалось лишь подъемом жилого помещения повыше от земли и добавлением двух-трех венцов бревен для большей высоты стен горниц.

О д е ж д а. Национальная одежда и специфические, одним лишь карелам свойственные украшения в настоящее время почти неизвестны. Только на севере Карелии кое-где сохранились сарафаны из цветных продольных полос. Уже в середине XIX в. этнографы констатируют отсутствие у карел национальных костюмов.

В 50-х годах XIX столетия отмечены у карел приплечки — вышивки разноцветными нитками, в виде удлинённых треугольников, вышиваемые на женских рубашках с длинными холщевыми рукавами. Сарафаны носили клинчатые, чаще всего со спинкой до самой шеи. У бедных они были из домотканы с набивным рисунком, у состоятельных в праздники — из сукон и дешевого шелка. Обязательная принадлежность женского костюма — платки на голове, шаль на плечах и из дорогой материи или богато расшитый передник. Из украшений носили бусы, серебряные, золоченые и золотые цепочки, дутые броши на груди, а также иногда серьги из местного жемчуга, в форме бабочек. Ближе к Поморью и в Заонежье наряд был явно заимствован у русских, начиная от парчевой душегрейки и до головного убора «поднизь» или «подчело», с местным жемчугом. Женщины, повидимому, повсеместно носили сороку; в иных местах она называлась «лакка». На ногах — нередко мужские сапоги, а ближе к городам — «баретки» или туфли.

Костюм парней издавна состоял из рубахи, по праздникам обычно шелковой или атласной (забываются времена, когда носили рубаху с расшитым подолом, нарукавниками и воротом), белых в голубую полоску штанов из домотканины. Позднее появилась черная пиджачная пара. Жилет обычно был признаком солидности лет и положения. Также не национальным, а свойственным всему Северу является надеваемый поверх полушубка балахон из домашнего сукна (основа льняная или конопляная, уток — шерстяной), широко распространенный на Севере под названием «азям», иногда «шабур».

Промысловая одежда: охотники надевали чаще всего коричневый, а иногда белого цвета, из домашнего сукна кафтан, холщевые штаны, летом лапти, а зимой так наз. «кенки» или «упаки». Кенки — это сапоги с отгибающимися кверху концами, незаменимые для бега на лыжах.

Обрядовая одежда: лет 50 тому назад женщины во многих местах носили «матурник» — сарафан из красного сукна с металлическими пуговицами. От ворота по груди на нем — ряд из тринадцати больших пуговиц, а остальные пуговицы, до подола, были меньшего размера. По объяснению последнего старообрядческого начетчика Карельского Беломорья Матросова, 13 пуговиц означали Христа с двенадцатью апостолами, меньшие же пуговицы — прочих «малых» апостолов. Повидимому, матурник занесен русскими старообрядцами; он крайне неудобен, на улице ветер раздувает его, и женщине трудно в нем идти. Для моления старообрядцы применяли белую, из домотканого холста рубаху с длинными узкими рукавами, очень широкий, из черного сатина (у богатых — из черной шерсти) балахон и такого же цвета, без всякой расцветки, платок. Необходимой принадлежностью при молениях была лестовка, для отсчитывания числа отбываемых поклонов или повторяемой иисусовой молитвы.

Главным материалом для одежды служила домотканина — холст из конопли, позднее — из льна, а также домашнее сукно. Чистое сукно очень толсто и менее прочно, чем более гибкое и тонкое полусукно, с шерстяным утком. Ассортимент покупных материй был разнообразен; парчевые изделия, душегрейки, головные украшения и т. д. передавались из поколения в поколение, и многие из них сохранялись не одно столетие.

П и щ а. Основная пища карел — мучная, в самой республике при этом обычна рыба, у калининских карел — молочные продукты. Мясо, в связи со слабым развитием прежде животноводства, ели не часто. Дичь в XIX в. не была предметом питания, так как почти всецело шла в руки скупщиков, отправлявших ее в Петербург.

Для выпечки хлеба к муке часто примешивали сосновую кору. Весной, после того как пройдут первые дожди, с дерева осторожно стесывали верхний слой коры, оставляя нижнюю светлокоричневую массу. Разделив роковым скребком на продольные полосы, снимали узкие, длинные полоски коры и выжаривали их в горячей печке, чтобы удалить горьковатый смолистый вкус. В большой деревянной ступе толкли кору на кусочки и затем на ручных мельницах намалывали светлокоричневую сосновую «муку». Пропорция подмешивания этого суррогата к хлебу зависела от степени благосостояния хозяйства. Иногда бедняцкие хозяйства соотношение настоящей муки и соснового суррогата доводили до пропорции — 1 : 1. В период острых голодовок делали лепешки из чнстой сосновой «муки», разведенной на кислом молоке.

Характерны для Карелии сушеные толстые лепешки из пресного теста, с отверстием посредине. Их нанизывали на жерди, сушили над печью и брали в далекую дорогу. Они назывались: лейкэ-лейпэ.

Из муки делают обычные для всего Севера печенья: калитки, т. е. пирожки с начинкой из каши, ягод или картофеля; шаньги — хлебные ватрушки, с начин-

кой из каши, картофеля, ячменной муки или ягод, и разные хлеба, а также кисели; мука идет еще для подболтки в суп, в кашу и т. д.

Рыбу едят во всех видах: свежую, соленую, распаренную после сушки и, гораздо реже, квашеную. Сеяли много репы, она хорошо росла на подсеках. Путешествовавший в самом начале XIX в. акад. Озерецковский отметил, что репа была основной пищей в районе Олонца: репный квас, репные пироги, репная каша и как сладкое блюдо — пареная репа. С запретом выжигать лесные площади под «нивы» в обиход стал входить картофель. Употребление грибов почти неизвестно; из ягод собирают только бруснику, клюкву, чернику, реже — морошку.

Едят обычно три-четыре раза в день: утром, когда встанут, в полдень — обед и затем до сна, в зависимости от обстоятельств, один или два раза.

Медицина и гигиена. Царское правительство совсем не заботилось о здоровье «кореляков». Этим и можно объяснить, что в лечебном деле Октябрьская революция застала среди карел много пережитков древнейших воззрений. Методы лечения чаще всего были связаны с магическими представлениями. Лекарь прежде всего должен был решить вопрос: «откуда пришла болезнь?» Если человек был накануне заболевания на озере, то лекарь решал, что болезнь произошла от озера, а потому надо идти туда «попрощаться», т. е. испросить прощения у озера, точнее — у его хозяина. Если нельзя было определить таким способом источник заболевания, то считалось, что болезнь послана по ветру, и тогда возникала задача определить, кто из людей мог ее наслать. Если источник болезни «определен» (напр.: «пришло от озера»), то после захода солнца, чаще в полночь, заболевший в одной рубашке, отнюдь не подпоясанный, шел в сопровождении лекаря-колдуна на озеро. Знахарь чертил вокруг себя и больного магический круг, чаще всего железом и огнем; больной повторял вслух заговор, который ему шептал знахарь. Иногда больной только делал земные поклоны, а колдун вслух или мысленно произносил заклинания. В этом и состояло все лечение.

Рядом с этим широко применялась «уподобительная» магия. Чтобы женщина легче родила, всегда открывали трубы, окна и двери, отпирали замки, развязывали все узлы, а в особо трудных случаях раскрывали в церкви «царские врата». Все это должно было способствовать более легкому появлению ребенка на свет. Тот же принцип магии ясен, напр., в обычае поить роженицу водой, которой обмыли ружье: «как ружье легко стреляет, так пусть и роженица легко родит».

Предупреждение заболевания в основном сводилось к ношению разных амулетов: ртуть в шейке пера, челюсть или зуб щуки, «мышинный камень» из гнезда мышей, серебро, реже — железные изделия, хлебные зерна и т. д. Такого рода обереги делали для новорожденных, их также носили девушки на выданье, невесты и молодухи. В зависимости от возраста и положения состав оберега видоизменялся: девушкам «на выданье» в этот ассортимент вводили ленты выпшедшей ранее замуж сестры или подруги; невеста получала ряд дополнительных оберегов для предохранения от «сглаза», напр., серебряный крестик, а молодухе добавляли замкнутый замок и в подол ее одежды втыкали иглы со сломанными концами, как предохранение от порчи.

От ночного крика и беспокойного сна младенцев знахарка перед наступлением полночи обходила дом с топором, обухом которого трижды стучала в подоконники и порог. После этого над входом в дом прикреплялись остриями вниз вилы, косы, ножи, топоры — всё колющие предметы, которые будто бы не пропускают болезнь к ребенку. Происхождение данной болезни приписывалось некоему духу женского пола.

Оспу чаще всего называли: Оспа Осиповна, Оспа Ивановна. Заболевание кого-либо из членов семьи приписывали ее приходу в дом. Пока больной не выздоровеет, в этом доме нельзя было шуметь, ссориться, категорически запрещалась половая жизнь живущих здесь, не мазали дегтем сапог и беспрекословно выполнялись все капризы больного, так как предполагалось, что от его имени говорит сама «Оспа Осиповна».

Детский рахит, всюду именуемый «собачьей старостью», лечили мнимой передачей болезни ребенка той или иной собаке. Для этого или мыли ребенка вместе с собакой, или обмазывали его тестом, сажали на короткое время в горячую печь и затем скармливали собаке куски этого теста: съев тесто, собака будто бы перенимала болезнь ребенка. «Лечение» горячки (тифа) и озноба было, в сущности, способом умерщвления больного. В одном случае больного старались опустить в как можно более холодную воду, зимой — даже в прорубь, а в другом случае больного до беспомощности парили в банном жару.

Цыngu, этот бич Крайнего Севера, с давних пор лечили разумными методами: на спину больного накладывали тяжести и заставляли его много двигаться, что вызывает усиление кровообращения и работы всех органов; далее, больного поили свежей кровью, и он поправлялся.

Социальный строй. Карельские курганы IX—XIV вв. непропорциональным распределением могильного инвентаря отражают общественную дифференциацию карел этой эпохи. Встречая в одном кургане два захоронения, из которых одно снабжено мечом, щитом, стрелой, топорами, бронзовой пряжкой, таким же бубенчиком и другими украшениями, а второе — лишь большим наколочником стрелы,¹ — законно предположить, что социальное положение похороненных было разным. Крайне редко встречаемые в курганах мечи и щиты свидетельствуют об особом положении их владельцев перед прочей массой покойников, заполнивших остальные курганные насыпи.

Следы рабства, зафиксированные карельским эпосом, хорошо известны по этнографическим данным у широкого круга племен северной Европы и Сибири. Калевала рисует рабство в рунах о Куллерво из рода Калерво, который был воспитан как раб в роде Унтамо.

Еще в недавнее время у карел весьма стойко сохранялась структура большой семьи (семейной общины), иногда численностью свыше 40 человек. Все имущество такой семьи принадлежало всему хозяйственному объединению и никому из членов в частности; производство и потребление было коллективным. Хозяином большой семьи теоретически всегда был старший по степени родства. После его смерти хозяйством начинал руководить следующий за ним брат, дальше — другой брат, и только после смерти всех братьев хозяйство брал в руки старший сын старшего брата. Если, например, дядя и племянник были одних лет, то хозяином становился дядя, а не племянник. Однако, изучая генеалогию больших старинных семей, мы видим, что при долголетию хозяина после его смерти очень часто хозяином делался его старший сын, так как братьев его отца или уже не было в живых или, по дряхлости и по непривычке распоряжаться, они не решались брать на себя эти функции. Глава хозяйства обыкновенно оставался им до самой смерти. Старики не могли припомнить мне случаев лишения хозяина права управлять хозяйством.

Сопротивление хозяину со стороны отдельных членов хозяйства могла оказать только его родная мать, отказываясь благословить сына на задуманное дело. Отказ в материнском благословении морально парализовал волю хозяина. Кроме сопротивления матери, выше воли хозяина стояла сила обычая, на который ему указывали старшие члены семьи.

¹ Бранденбург. Курганы, курган № 45.

В ведении хозяйки был скот (кроме лошадей), запасы белья и одежды, хранение и изготовление пищи. Хозяйка, подчиненная вообще хозяину, имела некоторое преимущество в скотоводстве: без ее одобрения и разрешения никто не имел права ни убить, ни продать ни одной скотины. Она имела также право требовать от хозяина изготовления или приобретения необходимого в хозяйстве. Вообще же хозяйка являлась руководителем всех женских работ и отвечала за всех женщин.

Если старшее поколение мужчин не испытывало особого давления в большой семье и было ответственно лишь перед хозяином, то положение женщин старшего поколения было в такой же степени тяжелым, как мужской и женской молодежи. Пожилая женщина зависела от мужа, подчинялась хозяйке всего хозяйства и, наконец, хозяину. Но муж обычно был и защитником своей жены, почему незамужняя женщина (старая дева) или вдова находились в особенно тяжелом положении: некому было защищать их интересы.

Вся тяжесть подавления индивидуальности, личной инициативы и воли падала на молодежь, как на мужскую, так и женскую: она зависела от родителей и находилась в полном подчинении у хозяина, девушки же зависели еще и от хозяйки. Сколько ни работал молодой член семьи, весь заработок поступал в общую пользу. Когда парень уходил на заработки, то по возвращении домой он все заработанные деньги отдавал хозяину. Даже отец работавшего парня без разрешения хозяина не смел взять у сына ни одной копейки. Если бы заработавший деньги захотел сколько-нибудь оставить себе, он мог бы это сделать лишь утаивая.

Еще более тяжелым являлось в большой семье положение женской молодежи. Дочь в доме считалась временной жилицей. В доме мужа она рассматривалась как настоящий член семьи только после того, как у нее родился сын. Положение бездетной женщины было весьма тяжелым. Отец и мать, по выходе дочери замуж, теряли на нее права. В случае какого-либо бедствия, они не могли обращаться к ней за помощью. Все права родителей на дочь переходили к мужу и его родителям.

Юридически не было разницы между старшим сыном хозяина и его племянником, если они приближительно в одних годах. Вопрос о подчинении одного другому в младших поколениях был тесно связан с возрастом, и всегда более молодой был подчинен более старшему, в то время как в старшем поколении важен был не возраст, а степень родства. Среди женщин жена хотя бы младшего племянника имела некоторую власть над любой девушкой в хозяйстве, к которому принадлежал ее муж. Обычай разрешал любому старшему карелу «учить», т. е. наказывать, чаще всего физическими мерами, более молодого, чем он, по возрасту. При этом родня никогда не должна была заступаться за того, кто подвергался «учению».

Экономическое расслоение и закабаление местными богатыми бедноты широко обозначились, как доказывают документы, уже в XV в. Сохранились грамоты, в которых богатые карелы выступают в тяжбах со своими бедными соотечественниками, скупают у них земли, ловища и т. д.

Реформы Ивана Грозного и последующих царей способствовали классовому расслоению карел. На памяти населения каждая волость в XIX в. имела «хозяев», т. е. кулаков, которые держали своих земляков в кабале. Чтобы избежать неизбежной конкуренции, невыгодной богачам, между ними существовала договоренность и раздел «зон влияния»: население каждого района было вынуждено выполнять все требования своего «хозяина».

Р е л и г и я. В начале XIX в. население средней и северной частей Карелии было старообрядческим. Остатки дохристианских представлений можно найти

в охотничьих сказках, где стихии часто фигурируют под видом водяного, лешего и т. д. Больше всего старых верований сохранилось в приметах.

Литература XIX в. зафиксировала у карел ряд представлений, сходных с представлениями мордвы, марийцев, коми и других родственных племен, как, напр., мифы о мироздании, основанные на дуализме, на сопоставлении зла и добра, ряд более или менее одинаковых божеств и т. д.

Леший представлялся следующим образом: он сладострастен, любит пошутить над человеком, но при умелом договоре с ним делается помощником или покровителем охотника. Леший имеет свои тропы, вступив на одну из них, человек не может сойти, пока не перетряхнет всю свою одежду и не наденет ее наизнанку. Леший живет семьей, у него жена и дети, он часто воюет с соседним лешим. Миграция белки и других объектов охоты объяснялась результатом проигрыша их в карты местным лешим своему соседу. Водяному в одинаковой мере приписывалось картежничество, сексуальные похождения и т. д. Водяной считался всегда злым и опасным для жизни человека. Если водяной представлялся стариком очень волосатым, то леший мог иметь самый разнообразный возраст, а также и внешний вид: иногда он гном ростом, иногда — выше сосны; очень часто, особенно в сказках, имеет вид охотника и даже солдата в мундире. В отличие от человека леший застегивает левую полу своей одежды на правую.

Верили также в духов, связанных с той или иной хозяйственной постройкой. О домовике было широко распространено представление, как о старой женщине, любящей по ночам прастя; ее считали несомненным покровителем хозяйства и всей семьи. Крайне любопытна связь домовика с подпольем: на третью ступеньку ведущей туда лестницы спускали женщину во время трудных родов; там же лечили заболевших; в подполье, а иногда под порогом, в очень отдаленные времена погребали старшую в роду женщину (реже хозяина).

Очагу приписывались целебные свойства и функции оберега. Новобранцам и другим отъезжающим членам семьи давалась ладанка с землей из подполья и золой из печи. При переходе в новый дом, из старой печи всегда переносили в новую огонь, иногда горячие угли в горшке, в крайнем случае — золу.

Довольно четко сохранялось представление о духе, живущем в хлеву, и очень смутно — о конюшенном. О последнем известно лишь поверье, что если он не полюбит лошадей определенной масти, то станет их мучить. С хлевом были больше всего связаны женщины: они в хлеву рожали детей, в хлеву ухаживали за скотиной. По рассказам стариков, в «степенных» хозяйствах мужчина очень редко входил в хлев. Как правило, в старину при очистке весной хлева применялись не вилы, а деревянные лопаты, чтобы случайно не поранить покровителя, чаще всего олицетворяемого «мышью» белого цвета (вероятно, так называлась ласка). Поэтому никогда в хлевах не разорялись мышиные гнезда, а находка в хлеву камушка означала приобретение целебного талисмана.

Повидимому, некогда видное значение в домашнем пантеоне духов занимал ригачник, т. е. дух — хозяин риги. Во всяком случае, с ним повсеместно были связаны обрядовые гаданья, обычные на святках, в частности — выяснение сроков выхода замуж и выявление характера будущего мужа. Ригачник представлялся всегда очень волосатым. В полном забвении находится «баенник» (банник), но до сих пор редко кто из стариков пойдет мыться в баню в полночь.

Карелы жили большею частью в небольших селениях. Напр., в населенном карелами Повенецком уезде в 1905 г. было 151 селение с 1—5 домами, 106 — с 6—10, 105 — с 11—25, и только в одном селении было более 50 домов. Мало-численность населения являлась естественным препятствием к организации таких увеселений, как хороводы. Не привилось также масляничное катанье на лошадях. Наиболее развитый цикл празднеств падал на святки. Здесь интересно отметить поверье о Кегно (или Каруте), который связывался с прорубями. На эти послед-

ние в период святок всегда клали две лучины поперек: эти крестообразные знаки, яко бы, препятствовали выходу из воды духов. Ряженные (по-местному «кухляки») олицетворяли духов, вышедших из проруби и уходящих обратно в последнюю ночь святок перед крещением. Таким образом, христианское рождество совпадало с местным культом Кегно.

Следующий крупный цикл празднеств приурочивался к летнему иванову дню. Он проходил в общем так же, как и у русских. Общественные пиры всегда приурочивались к ильину дню 20 июля, а там, где жители были связаны с промыслами на воде, к миколиным дням, зимним и вешним, — 9 мая и 6 декабря.

Поминание покойников, по-карельски «мустайзет», было распространено повсеместно, но не приурочивалось к определенному календарному дню. Обряды, связанные со смертью, в XVIII в. в основном уже не отличались от русских. Отметим кое-где сохранившееся надземное гробовище (вместо могильной насыпи) с окошечком на запад, иногда на восток, куда при поминках выливалось питье и бросалась еда; все это наводит на мысль о некогда бытовавшем надземном погребении. Вместо креста устанавливались столбы, обычно разукрашенные резьбой, с прибитыми двумя дощечками в виде крыши. Могилы наиболее уважаемых покойников на карельских кладбищах часто имеют насыпь типа кургана, обнесенную срубом, иногда пятиконечным, напр., могила Рокача в Ругозерском районе. В гроб хозяйственной женщины клали прялку с куделей или нить с иглой; рассказывают, что неизлечимым пьяницам в гроб клали бутылку водки. Нетрудно заметить в ряде старинных селений стремление устраивать кладбище на острове.

Свадебный чин разработан был весьма подробно, но он в основном не отличался от русской свадьбы. Процедура, связанная с рождением ребенка, церковного характера.

Если в настоящее время совершенно забыты священные рощи, то существующий запрет на принесение с кладбища ветвей и на применение в качестве топлива упавших на кладбище деревьев, является показателем священного значения кладбищенских деревьев. Рябина и черемуха принадлежали также к числу священных деревьев.

Сохранились следы почитания некоторых птиц и животных. Многие старики до сих пор не бьют лебедя — это превращенная женщина. Несомненно влияние старообрядчества в запрете есть заица на том основании, что «лапа у него собачья». Щука, в частности щучья челюсть — фетиш, который нетрудно еще найти в избах, где живут старики, даже в наши дни.

Любопытен обычай приношения иконам в местных часовнях крыльев глухарей и яиц лебедей. Женщины, желавшие получить хорошую прибыль шерсти от овец или вырастить высокий лен, приносили туда же овечью шерсть, лен и т. п.

Влияние православной церкви почти сошло на-нет. Политическая роль церковников в царское время, их явное содействие белогвардейцам в 1918—1920 гг. привели к тому, что в 1922—1923 гг. в карельских районах Северной Карелии уже не было ни одного попа. В настоящее время представителей церкви в карельских районах — лишь немногие единицы.

В таком же положении и сектанство. Еще в начале 30-х годов нашего века сектантов можно было насчитать около сотни в Тунгудском, Ругозерском и других районах. После коллективизации старообрядчество уцелело лишь в наиболее глухих поселках, и в настоящее время насчитывается не более нескольких десятков человек староверов.

Н а р о д н о е т в о р ч е с т в о. Карелам посчастливилось больше, чем многим другим народностям нашего Союза, ознакомить культурный мир со своим творчеством: сборник карело-финских песен «Калевала» переведен на все главные языки Европы и навсегда вошел в число памятников мировой литературы.

Правда, финские националисты-суоми ради политических целей еще сто лет назад объявили карело-финские руны национальной эпопеей лишь одних суоми. Но когда карельский народ вошел равноправным членом в свободную семью народов Советского Союза, когда появилась карельская интеллигенция и возобновились записи рун, до сих пор бытующих в карельских деревнях, — стало бесспорным и общепризнанным, что руны «Калевалы» (страна Калевы) — это общее творчество двух братских народов — карел и суоми.

Сборник «Калевала» содержит 50 рун. Хорошим показателем того, что это собрание различных песен отнюдь не составляет единую эпопею, служит одна уже невозможность коротко передать содержание всего сборника, — приходится давать пересказ одной руны за другой: большинство рун имеет законченную фабулу и логически не связано с последующей песней. Прав был переводчик на русский язык Л. Бельский, когда он на титульном листе заменил слово «эпопея» более правильным — «эпос».

Мудрый певец Вейнемейнен, рожденный от дочери воздуха и ветра, и брат его кузнец Ильмаринен по очереди сватаются. Первое сватовство певца к саамке (лопарке) Айно оканчивается ее гибелью в море. Певец попадает к хозяйке Похьолы (страны холода), но та согласна отдать дочь лишь в обмен за чудодейственную мельницу Сампо. Вейнемейнен едет домой, чтобы послать брата выковать эту мельницу. Встречает на обратном пути деву воздуха, опять сватается (далее вклинивается мотив о происхождении железа и об исцелении от раны). Вейнемейнен возвращается домой и отправляет брата ковать Сампо; девушка не идет за него замуж, и раздосадованный Ильмаринен возвращается обратно. Вклинивается пять песен о Лемминкейнене и его неудачном сватовстве к дочери хозяйки Похьолы. Вновь начинается рассказ о Вейнемейнене и его брате. Две руны повествуют о магических заклинаниях, с помощью которых нужно сделать лодку, чтобы свататься в Похьоле. Вейнемейнен и Ильмаринен стараются переиграть друг друга. Дочь хозяйки отказывает старику Вейнемейнену и принимает сватовство Ильмаринена. Тот успешно выполняет три испытания, похожих на испытания, данные Лемминкейнену. В шести рунах описывается свадьба. Молодые уезжают на родину Ильмаринена.

Пять рун вновь посвящены Лемминкейнену, которого обошли приглашением на свадьбу. Обиженный, он убивает мужа хозяйки Похьолы, сам бежит от кровной мести, спасается на некоем острове, где ведет крайне легкомысленный образ жизни, затем возвращается на родину, находит мать и делает неудачную попытку отомстить хозяйке Севера.

Шесть рун повествуют о несчастном Куллерво, взятом в рабство соседним родом: описание его страданий, его преступного кровосмешительства и самоубийства. Вклиниваются семь рун, посвященных походу Вейнемейнена и Ильмаринена для возвращения себе Сампо. Происходит бой между народами Похьолы и Калевы, во время которого чудодейственная мельница Сампо разбивается и тонет.

Лоухи (хозяйка Похьолы) мстит, посылает болезни, медведей, похищает небесные светила и огонь из домов Калевы. Три песни посвящены рассказу, как герои добывали обратно огонь и светило. Последняя (50-я) руна — о непорочном зачатии и рождении младенца — будущего короля Карьялы. Вейнемейнен навсегда уплывает со своей родины.

Внимательное изучение сборника карело-финских рун позволяет сделать следующие выводы. 1) Руны или песни, включенные в сборник «Калевалы», являются подлинно народным эпосом. 2) Руны эти возникли в разное время. В сборнике «Калевала» легко различить по крайней мере шесть циклов: неудачное сватовство Вейнемейнена, женитьба Ильмаринена, руны о Лемминкейнене, руны о Куллерво, руны о чудесной мельнице Сампо и, наконец, цикл свадебных

песен, а также преданий о создании мира, похищении солнца и т. д. Все эти циклы возникли не одновременно, а независимо друг от друга. 3) Руны возникли не в одном узко ограниченном месте. Отсюда множественность имен будто бы одного и того же героя: Вейнемейнен, он же — Увантолайнен; Лемминкейнен имеет синонимы: Ахти, Каукоммизли, Кайколайнен, Ветрикке, Вейтина и т. д. «Имя Куллерво, — пишет Ленрот, — в рассказе о податях заменяется именем Калретуйнен, Тууринкинен, Лемминкейнен или старшего сына Вейно». Отсюда — путаница имен: «То, что один поет про Вейнемейнена, другой поет про Ильмаринена; что у одного поется о Лемминкейнене, то у другого поется о Куллерво или Юхагейнене». Отражая моменты, непосредственно касающиеся интересов всего населения, руны, безусловно, были распространены повсеместно. 4) Записи XIX в. дают нам циклы комбинированных рун. Сказания о чудесной Сампо, насыщающей людей, и об исчезновении этого счастья, смешиваются с сказанием о сватовстве и «умыкании», с преданиями о походе одного племени на другое. 5) Очень слабо ощущаемая струя христианства проникла в руны таким же образом, как элементы православия в дохристианские заговоры славян. Кроме того, частично руны написал сам Ленрот.

Карельский орнамент по своим темам и основным формам входит в круг народного орнамента северной половины Европейской части РСФСР. Общие исторические судьбы, еще со времен древнего Новгорода связавшие русское население Приладожья, Прионежья и Беломорья с карельским, обусловили близость изобразительного искусства обоих народов. Это, однако, не исключило своеобразие каждой ветви, различающейся от другой некоторыми особенностями трактовки форм, манерой построения узора, расцветкой и т. п. Эти признаки определяют специфику карельского орнамента, наиболее выразительного в вышивке.

Древнейшим типом карельской вышивки следует считать вышивку, исполняемую «досюльным», т. е. старинным швом — мелкими двусторонними прямыми стежками красной нити по холсту, либо белой — по кумачу; она обычно украшает концы полотенец, подзоры и т. п. Центральное изображение на ней — женская фигура, либо дерево, либо древовидно-проросшая женская фигура и симметрично расположенные по сторонам ее фигуры коней, всадников и птиц, с частым употреблением розеток. Стасов видел тут языческую сцену поклонения богине-земле или древу жизни, причем розетки, так же как и ромбы, олицетворяют животворящее солнце. Эта сцена или отдельные фигуры из нее, выполняемые также и в строчке (шов по выдерге), близки к подобным же фигурам в русской вышивке. Они строго линейны, композиционно объединены соответствием прохождения линий контуров соседних фигур и, несмотря на известный схематизм, выразительны в передаче основного, определяющего объект изображения признака. Характерно-карельской особенностью этих вышивок является пристрастие к дробной зигзагообразной линии.

На этапе освоения некоторых мотивов раннефеодального искусства (грифонов, барсов, одноглавых орлов, растительных акантовых фигур) в карельском орнаменте прочно устанавливаются следующие особенности: заполнение фигуры строго-прямолинейным, мелким узором из полосок, составленных из треугольников или ромбов, полосок зигзагами и гребенчатых полей в мелкую шашку (техникой «набора»). При сохранении традиционного красного контура основных фигур, заполняющий их мелкий узор иногда выполняется желтыми, розовыми, черными, зелеными, синими и лиловыми нитями интенсивного цвета. Такое же введение цветных нитей в систему красного, обычного для всего севера, прямолинейного узора наблюдается и в карельском ткачестве. Кроме того, для последнего характерно особое пристрастие к фигурам Z-образным, играющим самодовлеющую роль, либо роль соединительных тангетт к рядам разноцветных

лежащих ромбов и т. п. Эти же признаки вышивки распространены и у русских Архангельской обл. (мелкий узор желтой и голубой нитями), в приильменских районах и других местах.

Кроме этих типов узора, карельская вышивка, подобно русской, знает узор, выполняемый тамбурным швом по холсту, кумачу и «тамбуром по выдерге» (строчка «по письму» с тамбурной обшивкой). Появившись, очевидно, не раньше XVII в., вышивка тамбуром строится на криволинейных растительных мотивах, освоенных из узоров Московской Руси. В отличие от русских, в карельских образцах вышивки тамбуром, на ряду с криволинейными растительными мотивами, широко используются традиционные прямолинейные построения.

Карельская деревянная резьба, очень близкая к русской, использует аналогичные описанным мотивам узора розетки и растительные древовидные фигуры. Техника выполнения орнамента — пропиловкой, но сохранилась и более древняя выемчатая резьба.

Н а р о д н о е о б р а з о в а н и е. Процент грамотных карел был до Октябрьской революции ничтожным: в чисто карельском Олонецком районе в 1913 г. было только 14% грамотных. На 100 человек населения, по официальному отчету Олонецкого губернского статистического комитета, в 1913—1914 гг. училось в Повенецком уезде 6.1, в Петрозаводском 6.2 и в Олонецком 5.5 человек. В этих трех уездах было 190 церковно-приходских школ. Процент выбывших из одноклассных школ карельских районов по отделениям: 1—9%, 2—12%, 3—21% и 4—20%. «Почему же берут родители своих детей из школы до окончания курса?» — задает вопрос статистик Олонецкой губернской земской управы и отвечает: «Главные причины таяния школ — малограмотность и некультурность, а потом уже бедность населения. Впрочем, и то и другое идет рука об руку».

Преподавание шло на русском языке. После революции 1905 г. епархиальное управление путем денежных поощрений стало заинтересовывать приходских церковников в изучении и применении карельского языка при общении со своими прихожанами. В 1909 г. было организовано православное карельское братство, которое на карельском языке издавало различные брошюры, как, напр.: «О спасении души» (500 экз.), «Как нужно веровать, жить и молиться» (500 экз.), «Лютеранские заблуждения» (1500 экз.) и т. д.

Я з ы к и п и с ь м е н н о с т ь. Карельский язык принадлежит к числу западно-финских языков финно-югорской группы. Ближе всего он стоит к финскому, ижорскому и вепсскому языкам. Сходство между карельским и финским языками определяется, во-первых, общностью их происхождения, во-вторых, участием и в том и в другом различных ветвей языка племени Карьяла. Финны и карелы вообще свободно понимают друг друга, пока речь касается предметов и идей, известных в доклассовое время. Но как только речь поднимается над этим уровнем, начинается затруднение в понимании.

Если не считать записей фольклорных текстов и переводов на карельский язык церковных богослужебных книг, то карельская письменность возникла только в 1931 г. В настоящее время калининские карелы предпочитают пользоваться русской письменностью, а карелы Карело-Финской ССР — финской письменностью.

Главные диалекты: а) ливвиковский, б) людиковский, в) собственно-карельский.

II

И с т о р и ч е с к а я с п р а в к а. Начиная со второй половины XIX в. и почти до самой Октябрьской революции в занимаемые карелами селения отправляли политических ссыльных; так, напр., в 1904 г. в с. Мяндусельгу, б. Пове-

нецкого уездá, был водворен М. И. Калинин. Ссылные в пределах возможности вели среди молодежи разъяснительную работу. В 1905—1906 гг. группа социал-демократов в Петрозаводске занималась распространением прокламаций и нелегальной литературы по волостям, главным образом через сельское учительство. Отдельные проявления революционного характера в Петрозаводске: 3—4 демонстрации рабочих и учащихся, кратковременные забастовки рабочих, покушение на сенатора Крашенинникова, окончившееся казнью А. М. Кузьмина, и др. не скоро доходили до карельских селений и не могли вызвать революционных откликов. Однако работа ссыльно-поселенцев и в особенности империалистическая война дали свои результаты.

4 января 1918 г. в Петрозаводске признана власть Советов. Несмотря на сильное противодействие эсеров (как правых, так и левых), с января 1918 г. повсеместно прошел по всем крупным пунктам процесс, как тогда говорили, «большевизации».

С марта того же года на севере Карелии начали появляться шайки белофиннов, доходившие до Кемь, где они были разбиты рабочими и местными моряками. Их попытки захватить северную и среднюю Карелию удались лишь частично; взята была пограничная полоса: Поросозеро — Реболы — Ухта, и была провозглашена «Ухтинская республика». Несколько позднее, уже на юге, начались нападения белофиннов на карел Олонецкого района. Население, организовавшись в партизанские отряды, оказывало большую помощь малочисленным частям Красной Армии, которой и удалось повсюду разбить белофиннов.

Несравненно более серьезным противником были интервенты — англичане, американцы, французы и сербы, с помощью которых белогвардейцы захватили Мурманский край и затем заняли весь бассейн Белого моря и часть побережья Онежского озера. Несмотря на превосходное боевое снаряжение, белофинны были разгромлены в июне 1919 г., а белогвардейцы в 20-х числах февраля 1920 г. ликвидированы руками самих белых солдат, тотчас же после бегства руководившей верхушки из Архангельска и переворота на следующий день в Мурманске.

3 июля 1920 г. Первый Всекарельский съезд заявил, что «карельское трудовое население не хочет порывать культурных, экономических, политических и государственных связей с Советской землей и совершенно не думает присоединяться к белой Финляндии». В ответ на это заявление, сделанное 142 депутатами от 105 тыс. карел, Финляндия 25 октября 1921 г. вновь сделала попытку захватить Советскую Карелию. Это так наз. белофинская авантюра. Руководители банд переименовали себя по именам главных героев Калевалы: командир — Ильмаринен, один из заправил, крупный кулак — Вейнемейнен. Поход тов. 'Антикайнена и удачные действия других дали возможность уже в феврале 1922 г. изгнать с советской территории последние остатки белофиннов.

Интервенты, белогвардейцы и белофинны захватывали в разное время почти всю территорию, занимаемую карелами. Эти захваты нанесли очень большой материальный ущерб, определяемый не менее 100 мил. руб. золотом. Много погибло карел, защищая свою свободу и землю. Почти у каждого крупного селения высятся красная пирамида — памятник на братской могиле. Из 17 000 населения Ухтинского района белофинны увели с собою около 11—12 тыс.; из них около 8 тыс. вскоре вернулось обратно.

Социалистическая реконструкция быта. Совет Труда и Оборона в апреле 1921 г., под председательством В. И. Ленина, утвердил профиль хозяйства Карельской республики. Основой ее хозяйства был признан лес — лесозаготовки, лесопиление и экспорт леса; далее, было постановлено создать мощный бумажно-целлюлозный комбинат и гидроэлектростанцию в Кондопоге, произвести срочный учет горных богатств страны и форсировать развитие горной промышленности. Проведение этих указаний в жизнь привело Карело-Финскую

республику, в особенности после двух пятилеток, на уровень индустриальной страны. Размер капиталовложений в первую пятилетку — 360 млн. руб. и во вторую — 761 млн. руб. На лесозаготовках, предприятиях, в совхозах и учреждениях республики работает до 140 тыс. рабочих, включая в это число также и сезонных. Объем лесозаготовок в 1939 г. дошел до 13.6 млн. кубом.; это в 8 раз больше чем в 1913 г.

Уже к концу 1937 г. удельный вес социалистического сектора составлял в промышленности — 99.8%, в сельском хозяйстве — 99.2% и в товарообороте — 100%. Если в дореволюционное время в Карелии было 30 тыс. сох и косуль, которыми карелам приходилось ковырять каменистую почву, то в 1940 г. было 32 машинно-тракторных станции; 77% всей посевной площади, по данным 1937 г., было обслужено машинно-тракторными станциями. Если прежде даже на частновладельческие, т. е. кулацкие, хозяйства приходилось по 4.8 десятины пахоты, а площадь участка подсечно-земельного надела в среднем равнялась 0.31 десятины, то теперь площадь 965 колхозов достигла 74 тыс. га.

Коллективизация и связанные с нею процессы, в частности укрупнение селений, коренным образом изменили весь быт населения. Произошло это не сразу. Классовая борьба в конце 20-х и в начале 30-х годов протекала обостренно, как и в других местах Союза. Антисоветские элементы всеми мерами пытались задержать темпы лесоразработок, устраивали аварии, применяли поножовщину в борьбе с сельскими активистами. С разгромом классовых врагов жизнь «по старинке» заменяется советскою: появились местные стахановцы — лесоруб рационализатор лесозаготовок Готчиев, рационализатор лесовозовки Гавруков и тысячи ударников леса, в сельском хозяйстве орденносец А. Ключарева и множество других строителей социалистического хозяйства.

Вместо трехполья введен многопольный севооборот. В 1937 г. уже 13.2% всей площади засевалось кормовыми травами, тогда как в 1913 г. травосеяния совсем не было; столько же процентов площади занимали посевы картофеля, 4.4% — технические культуры и 62.2% — зерновые. В 1938 г. поголовье свиней было 24 тыс., тогда как в 1917 г. их было только 1400.

Механизация сельского и лесного хозяйства, применение новых методов в земледелии, животноводстве и рыболовстве, создание горной промышленности и механизированного транспорта, — все это создало среди карел десятки тысяч специалистов леса, поля и моря. Высоко поднялись зажиточность и культура населения. Все, что было в дореволюционное время в обиходе одних богачей, теперь сделалось доступным каждому колхознику, каждому рабочему, каждому, кто умело работает в лесу, поле или на море.

Рост материального благосостояния населения советской Карелии отчетливей всего выявляет статистика местных сберегательных касс. По данным на октябрь 1939 г., за последние пять лет число вкладчиков увеличилось на 27%, а состав вкладов за этот же период возрос на целых 450%. Средняя годовая зарплата в 1932 г. была 1600 руб., а в 1938 г. она достигала 3406 руб. Зажиточная жизнь широких масс выявляется также показателями розничного товарооборота: в 1938 г. общая сумма составила 497.5 млн., при 135.5 млн. в 1932 г.

Социально-культурное строительство и народное творчество. Если в царской Олонии в 1913 г. было 20 больниц с 437 койками и все население губернии обслуживалось 34 врачами, то теперь, в советской Карелии 54 больницы с 2920 койками. В дореволюционной Карелии не знали ни родильных домов, ни детских консультаций, ни детских яслей; в 1938 г. было 24 колхозных родильных дома с 468 койками и 18 консультаций. На 1 августа 1939 г. в Карелии функционировало 384 яслей с 7780 постоянными местами.

Такой же рост дает народное образование. Если в 1913 г. было 657 преподавателей, то в 1939 г. их 3100 чел.; соответственно изменилась и численность учащихся: от 13 000 до 89 000. Совершенно отсутствовало до революции дошкольное образование; в настоящее же время существует 2215 детских садов с большим штатом обслуживающего персонала.

В 1913 г. было 53 библиотеки с 60 000 книг, теперь же 346 библиотек имеют 938 000 книг. До революции отсутствовали клубы и избы-читальни, в настоящее время работа изб-читален проводится в 280 точках.¹

Общий рост культуры карел доказывается расцветом народного искусства. За три года выявлено около 200 карельских и русских носителей устного творчества, среди которых, несомненно, много талантливых самородков. Трое из них награждены орденами, шестеро получили почетные грамоты Верховного Совета Карельской АССР, 9 приняты в члены Союза советских писателей Карело-Финской ССР, среди них карелы тт. Туруев, Ватчиева, Ремсу.

Национальный карельский музыкальный инструмент — кантеле, близкий к старым русским гусям, усовершенствован (42 струны вместо прежних десяти) в 1932 г. т. Гудковым. Им же был организован ансамбль кантелистов из 30 человек, в репертуаре которого более 80 карельских мелодий, 12 народных танцев, а также более 20 оркестрованных произведений классической русской и западной музыки. Ансамбль этот уже широко известен и за пределами Карелии, не раз выступал в Москве, в Ленинграде, Белоруссии, на Украине, на Кавказе и т. д. Большую и интересную работу ведут 658 кружков художественной самодеятельности, включающие до 10 000 участников. Из них особенно выделяются художественным исполнением карельские организации: Пряжинский, Ведлозерский, Олонецкий, Петровский художественные ансамбли, выезжающие далеко за пределы своих районов. Имеется филармония, ряд театров и более 16 тыс. радиоточек. В Карелии живут композиторы: Р. Пергамент, К. Раутио, Иоусинен, В. Гудков, Л. Теплицкий, Л. Вишкарев, разрабатывающие народные карельские мелодии и широко применяющие их в своих симфониях, сюитах и романсах.

В конце 1940 г. в Карело-Финской ССР издавалось 38 газет. Одновременно в Карелии выходит литературно-художественный журнал на финском языке и литературный альманах на русском языке.

Национальное карельское издательство за 16 лет своего существования выпустило 2305 названий книг, большею частью на карельском языке, с общим тиражом 932 тыс. экземпляров.

Таким образом карелы, наравне с другими народами великого Советского Союза, с успехом развивают свою национальную по форме культуру. Страшное время XV—XIX вв., когда карел из-за голода ел кору сосны, прошло навсегда. Карелы строят новую жизнь, где труд — не проклятие, а дело чести, доблести и героизма.

ВАЖНЕЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА (Книги на русском языке).

По антропологии: 1) Карелы СССР. Материалы Комиссии экспедиционных исследований Академии Наук СССР, вып. 24, Л., 1930. — По статистике: 2) Этнический состав населения Северо-Западной области и Карельской АССР. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР, № 12, Л., 1926. 3) Статистические обзоры, изд. Статистического управления, позднее Управления народнохозяйственного учета Карельской АССР. 4) В е р ш и н с к и й А. Список карельских селений Московской области. М., 1932, изд. Моск. обл. музея. — История

¹ Во все эти показатели не входит мопная сеть, созданная в 1940 г. в новых районах Республики.

и этнография. 5) Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. 6) Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карел и самоедов Архангельской губ. Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, VI, СПб., 1878. 7) Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Географического общества, I. Архангельская губерния; II. Олонецкая губерния. Пгр., 1914 и 1915. 8) «Карело-Мурманский край», журнал, 1923—1935. 9) Крохин В. П. История карел. СПб., 1908. 10) Круковский М. А. Олонецкий край. СПб., 1904. 11) Линевский А. М. Петроглифы Карелии, т. I. Петрозаводск, 1939. 12) Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск, 1940. 13) Линевский А. М., Машезерский В. И. и Пегов В. И. Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в. Петрозаводск, 1939. 14) Майков П. М. Финляндия, ее прошлое и настоящее. СПб., 1905. 15) Майнов В. Поездка в Обонежье и Корелу. СПб., 1877. 16) Максимов С. Год на Севере, т. I, СПб., 1855. 17) Машезерский В. и Трофимов В. Карело-Финская ССР. М. 1940. 18) Радоникас В. И. Памятники эпохи возникновения раннего феодализма в Карелии. ОГИЗ, 1934. 19) Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава СССР Академии Наук СССР, № 15, Л., 1928 (Обзор литературы по антропологии, этнографии, языкознанию, археологии и истории). 20) Экономика и статистика Карелии. Петрозаводск, 1928—1932. 21) Брюсов А. Я. История древней Карелии. М., 1940. 22) Народное творчество Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940.

Résumé

A. Linevskij

Les Caréliens

L'article de A. Linevskij sur les Caréliens de l'URSS, écrit pour le recueil édité par l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'URSS, est rédigé suivant le programme de ce recueil publié dans l'«Ethnographie Soviétique», livr. 2, 1939, pp. 210—212.